

Правда и Кривда

Московский рабочий, Москва, 1992 г.

Живут у нас на земле Правда да Кривда: живет Правда и во дворце, и в барских хоромах, и в крестьянской избе; молвит народ, что она у бога живет; мыкается и Кривда всюду: и по царским палатам, и по боярским теремам, и по бедным лачугам; о Кривде народ молвит, что привилась она к земле, и по ней стелет и мелет, и врет и плетет.

Вот раз идет по земле Правда, чище красного солнца: люди ее сторонятся, шапки снимают, чествуют; а она каждому из своих ясных очей приветом в очи светит. Вот и идет божия Правда по земле, ни шатко ни валко, ни на сторону, прямо как стрела! Навстречу ей из косого переулка идет Кривда, ковыляя да пошатываясь; заслонила рукой глаза, прищурилась на Правду; а Правда — что солнышко, на нее Кривде во все глаза не глянуть!

— Ба, ба, ба! — говорит себе под нос Кривда. — Да это никак святая душа на костылях, что люди Правдой зовут. Уж куда как мне эта Правда надоела: как глянет в лицо, то словно горький дым глаза ест! Хоть бы как ни на есть извести ее, постылую!

Кривде за худым делом недалеко ходить; как раз надумала. Подковыляла она, щурясь, к Правде, низенько ей поклонилась и говорит сладким голоском:

— Что тебя, золотая Правда, давно не видать? Аль заспесивилась? А еще про твою милость народ молвит, что без тебя люди не живут, а маются. По-моему ж худому разуму, так дело-то наоборот (прости на правдивом слове): с тобой люди маются, а со мной душа в душу сживаются, и наше житье-бытье идет как по маслу.

Глянула Правда Кривде в подслепые очи да и говорит:

— Нет, Кривда, худо тому, кто с тобой дружится; с тобой весь свет пройдешь, да назад не вернешься! Ложь не живуча!

Как рассердится Кривда за правдивое слово да, ошетинаясь, закричит, зашипит на все свои голоса:

— Вишь, что выдумала — я ль не живуча! А знаешь поговорку: «Соврешь — не помрешь»? Да я на людей сошлюсь, что со мной жить лучше, чем с тобой!

Правда покачала головой, сказала: «Нет!» — и пошла своим путем. Она в увертки да извороты не пускается, много слов не раздает; у нее либо «да», либо «нет».

Увязалась Кривда за Правдой, зацепила клюкой и не пускает.

— Давай, — говорит, — об заклад биться, что людям со мной лучше ужиться!

— Давай, — говорит Правда, — вот сто рублей. Смотри, Кривда, проспоришь!

— Ладно, посмотрим, чья возьмет! Пойдем судиться к третьему, на третейский суд, вот хоть к писарю; он недалечко живет.

— Пойдем, — сказала Правда.

И пошли. А Кривда тем временем стянула у прохожего бумажник да платок из кармана и спрятала к себе в карман. Вот пришли они к писарю; стала Правда свое дело сказывать, а Кривда тем временем кажет писарю из-под полы деньги да платок. А писарь человек бывалый, как раз догадался, что делать; вот и говорит:

— Проспорила ты, Правда, свои денежки: в наше время лучше жить Кривдой; сытее будешь!

Нечего делать, отдала Правда сто рублей сполна, а сама все стоит на своем, что лучше-де жить правдой.

— Экая ты неугомонная! — подзадоривала ее Кривда. —

Давай опять об заклад биться: я ставлю тысячу рублей в кон, а ты, коли денег нет, ругайся глазами своими.

— Хорошо, — сказала Правда.

Вот и пошли они опять судиться третейским судом к боярину. Выслушав их, боярин вздохнул и говорит:

— Ну, матушка Правда, проспорила ты ясные очи свои, хороша святая Правда, да в люди не годится.

Заплакавши, Правда боярину слово молвила:

— Не ищи же ты, боярин, Правды в других, коли в тебе ее нету!

А Кривда зацепила Правду клюкой и повела из города вон. Идет Правда, слезку за слезкой роняет: горько ей, что люди чествовать чествуют ее, а правдой жить не могут.

Вот вывела ее Кривда в поле, выколола ей глаза да еще толкнула, так что Правда упала ничком на землю. Отдохнув, она поползла ощупью, а куда ползет — и сама не знает. Вот она схоронилась в высокой болотной траве и пролежала там до ночи.

Вдруг в полночь налетела со всех сторон недобрая сила и стала друг перед другом хвалиться, кто больше зла наделал:

— Я, — говорит один, — мужа с женой поссорил!

— Я, — говорит другой, — научил детей не слушаться отца с матерью!

— А я, — кричал третий, — весь день учил детей лгать да лакомства красть!

— Эка невидаль — ребенка сделать вором да лгуном! — кричит Кривда. — А я так всех вас за пояс заткнула: я переспорила Правду, взяла с нее сто рублей да еще выколола ей глаза! Теперь Правда ослепла, стала тою же Кривдой!

— Ну! — крикнул набольший. — Далеко кулику до Петрова дня! Правда живуча, на воде не тонет, на огне не горит; стоит ей только очной травкой глаза потерять — сейчас все как рукой снимет!

— Да где ж она добудет этого зелья?

— Травы этой на горе, по залежам, не оберешься.

Лежит Правда в осоке, к речам прислушивается; а как только разлетелась недобрая сила, то она поползла в гору, на заброшенную старую пашню, села на залежь и стала травку за травкой срывать да к очам прикладывать. Вот и добралась она до очной травы, потерла ею глазок — прозрела; потерла другой — и другим прозрела!

«Хорошо, — думает она, — наберу-ка я этой травы; авось и другим спонадобится».

И нарвала она целое беремь, навязала в пучочки и понесла домой.

Вдолге ли, вкоротке ли, в некотором царстве, в некотором государстве ослепла у царя единою-единая дочь; и уж чего не делали, как не лечили царевну — ничего не берет! Велел царь по-своему и по соседним царствам клич кликнуть: кто его царевну вылечит, тому он половину своей казны отдаст да еще полцарства в придачу накинёт. Вот и сошлись отовсюду лекаря, знахарки, лекарки, взялись лечить; лечат-полечат, а вылечить не могут!

Рассердился царь, велел всех помелом со двора согнать, а сам стал думать да гадать, как своему горю пособить. Думал царь, думал, — ничего не надумал.

Приходят раз слуги и докладывают ему, что пришла вещая странница, величает-де себя Правдой и берется царевну вылечить даром, за одно царское спасибо, а казны-де ей не надо.

Подивился царь и велел нянюшкам-мамушкам чудную знахарку к царевне свести.

Вошла Правда в царевнин теремок, на иконы помолилась, царевне поклонилась, вынула очную травку, потерла ею один глазок — царевна одним глазом прозрела; потерла другой — другим прозрела, да, прозревши, как вскочит от радости, да бросится в отцовы палаты, стучит, бренчит, по переходам бежит; а за нею тьма-тьмущая нянюшек, мамушек, сенных девушек вдогонку спешат. Как вбежала она к отцу да прямо ему в ноги:

— Царь-государь, вижу тебя, родитель мой! Вижу яснее прежнего!

Царь до слез обрадовался, обнял дочь, целует, милует ее, сам о вещей знахарке спрашивает; а Правда уж тут и царю правдивым приветом в очи светит.

— Чем тебя, вещая, наградить? — спрашивает царь. — Хочешь казны? Всю возьми! Хочешь царствовать? Полцарства бери!

Поклонилась Правда царю и говорит:

— Не надо мне ни царства твоего, ни казны твоей; а если хочешь жаловать, так пожалуй, меня в твои старшие судьи, чтобы без меня во всем царстве судьи твои ни одного дела не вершили.

Царь с радостью согласился; ударил по рукам, — и с тех пор Правда поселилась в этой земле, неверных судей сменила, праведных посадила, уму-разуму да чести научила; а Кривде таково житье пришло, что она без оглядки оттуда бежала.